

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Путь отъ Синайской обители до эт-Тиха.

Августъ.

1. Вторникъ.

Отправляюсь въ путь къ св. граду Иерусалиму, въ путь трудный и небезопасный, по пустынямъ Синая и Идумей, въ дни жаркіе и ночи холодныя, съ полудикими Бедуинами, на корабль пустынномъ, въ первый день 552 мѣсяца моей жизни, съ недугомъ въ глазахъ, съ карандашемъ въ рукѣ, въ изорванной обуви, въ изношенной одеждѣ, съ возлюбленною дружиною.

Солнце еще не взошло надъ горою св. Епистиміи. Иду молиться у неопалимой Купины.

Послѣ молитвы я заходилъ къ Дикею Аноиму, къ ризничему и эконому, и прощаясь съ ними, благодарилъ ихъ искренно за Авраамское угощеніе

насъ странныхъ и за то братское довѣріе, съ какимъ вручены были намъ ключи отъ монастырскаго книгохранилища. Смиранные отцы извинялись въ своихъ недостаткахъ, прикрывали свое усердіе къ намъ благоговѣйнымъ послушаніемъ волѣ своего архипастыря, предписавшаго имъ исполнить всѣ мои желанія, и упрашивали меня провести съ ними храмовый праздникъ преображенія Господня. Этой прозьбѣ ихъ противопоставленъ былъ долгъ моей службы, съ которымъ несовмѣстима растрата драгоценнаго времени. Моя гиря перевѣсила. Отцы уступили моей настойчивости законной.

Въ послѣдней четверти седьмага часа по полуночи караванъ мой, состоящій изъ двадцати верблюдовъ, двинулся подъ предводительствомъ прежняго Шеха Салеха. А мы пошли за нимъ пѣшкомъ. Властные старцы, іеромонахи и Петръ Кутуруси, проводили насъ немного далѣе холма Ааронова и простились съ нами. Я сѣлъ на своего горбуна. Утро было прохладно. Солнце ярко освѣщало просторную, ровную и чистую Уади Шехъ и ея багряные утесы. Сквозь чистѣйшую лазурь неба неслась моя молитва къ престолу Всевышняго.

Замѣчательна постановка горъ у монастыря Синайскаго. Онѣ, подобно островамъ, высятся на песчаномъ морѣ и раздѣляются долинами, какъ бы глубокими проливами. Ихъ можно обходить кругомъ. Синайскіе же старцы сравниваютъ горы, св. Екатерины, Синай-Хоривъ, и св. Епистиміи, съ тремя перстами руки, среднимъ, безымяннымъ и мизинцомъ, а Ел-Фрейю и Раху съ ладоною. Вѣрно сравненіе! По словамъ ихъ на темени Епистимійскомъ хранится дождевая вода; и тамъ былъ тотъ скитъ, Азъ, о которомъ упомянулъ преподобный Нилъ въ описаніи страданія пустынныхъ отцовъ отъ безбожныхъ Сарациновъ. Если позволено придумывать многія сравненія для лучшаго поясненія малоизвѣстнаго предмета: то я, пользуясь этимъ позволеніемъ, сравниваю Синай-Хоривъ и Епистимійскую гору съ двумя церквами; предъ ними Ел-Фрейя соотвѣтствуетъ полукруглому настоятельскому дому, а по сторонамъ ихъ горы Ум-Лезъ и св. Екатерины высятся, какъ двѣ ограды; долина же Шехъ справа, и равнина Рахійская слѣва, ведутъ къ ущеліямъ Рутайбе и Накбъ-Хау, какъ бы къ святымъ воротамъ. Такимъ образомъ всѣ поименованныя горы положеніемъ своимъ образуютъ какъ бы Бо-

гозданную Лавру съ церквами, оградою и св. воротами.

Придумывая всѣ эти сравненія, обсуживая ихъ точность и въ то же время любуясь игрою свѣта и тѣней на гранитныхъ скалахъ долины Шехъ, я подѣхалъ къ ущелію Рутайбе и, спустившись съ верблюда, сдѣлалъ очеркъ его, какъ умѣлъ (*). Въ этотъ разъ оно показалось мнѣ также дивно-величественнымъ, какъ и прежде, но уже не изумило меня, потому что духъ мой самъ выросъ исполиномъ на лонѣ громадной Синайской природы. Отвѣсные и багряные утесы этого ущелія представляютъ видъ двухъ противоположныхъ стѣнъ многоглавыхъ и ребристыхъ, кои облицованы какъ бы накладною чешуею въ большихъ размѣрахъ и въ видѣ уступовъ, по линіямъ неровнымъ, и съ углами тупыми, острыми, косыми. Чудныя, святыя ворота Синая!

Въ восторгѣ отъ видѣнія высокаго предмета я продолжалъ путь свой. Минуло десять часовъ. Поѣздъ мой, вышедши изъ Рутайбскаго ущелія, спустился въ долину Шехъ. Въ ней зеленѣли манновыя перелѣски. Въ этотъ разъ, не какъ прежде, они не много радовали меня, потому что

(*) Смотри рисунокъ на листѣ 36.

не было нечаянности. Уади Шехъ положеніемъ своимъ описываетъ довольно крутую дугу отъ юговостока къ сѣверозападу. За высотами ея, направо, простирается песчаная равнина Ермаме, а направо толпятся горы. Долго мы шагали по ней до того мѣста, гдѣ впадаетъ въ нее Уади Салафъ съ сѣверозапада, и втянулись въ эту стропотную юдоль. Она узка и коротка. Въ одномъ мѣстѣ ея на косогорѣ я потерялъ равновѣсіе и заскользилъ по верблюду стремглавъ. Но на крикъ мой быстро подбѣжалъ Салехъ и ловко принялъ меня въ свои руки. Не то, разбилась бы моя головушка о пепловидный слой косогора. Тамъ, гдѣ въ Салафскую юдоль врѣзывается съ сѣвера Уади Ляхдаръ, мы расположились ночевать у подошвы одного утеса, который отбрасывалъ длинную тѣнь. Тогда минули три четверти четвертаго часа по полудни. Стало быть, въ дорогѣ мы провели 540 минутъ.

2. Среда,

Ночь была холодная. Утро такое-же. Всѣ мы озябли. Самоваръ отогрѣлъ насъ. Пока Арабы въючили нашихъ верблюдовъ; мы смотрѣли

на молодаго чернаго скорпіона, который приползъ къ намъ ночью, или утромъ. Когда убили его камнемъ; я замѣтилъ, что и не убивая скорпіоновъ можно предохранять себя отъ ихъ угрызенія: стоитъ только обложить себя овечьей шерстью; и они не поползутъ чрезъ нее, потому что боятся завязнуть въ ней и не терпятъ ея запаха, а не терпятъ отъ того, что овцы истребляютъ ихъ своими копытами.

Верблюды наши двинулись съ ночлега. Я за ними пошелъ пѣшкомъ, и какъ только обогнулъ ближайшій уголъ гранитный, направо отъ дороги замѣтилъ внизу Синайскую надпись и отподобилъ ее. Вотъ она:

2402950827
Q72
541642000
931
19425924 9 582

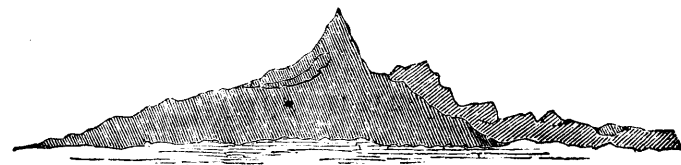
Изъ долины Ляхдаръ видѣнъ былъ Зербаль весь въ солнечномъ свѣтѣ. Я сдѣлалъ очеркъ его (*). Непамятный красавецъ и провозвѣстникъ всемогущества Творца и Зиждителя міра! Въ верховьѣ сей долины есть источникъ сладкой воды.

Съ Ляхдаромъ непосредственно соединяется устье долины Лешъ, тянущейся направо отъ дороги къ сѣверу. Тутъ Зербаль въ утреннемъ одѣяніи, сотканомъ изъ тончайшаго свѣта, представился намъ во всемъ своемъ величіи. Многоглавый исполинъ, онъ весь тутъ видѣнъ отъ подошвы до теменн. Великолѣнна южная часть его. Она остроконечной пирамидой особо выпящается къ небу. Два утеса, не много ниже вершины ея, представляютъ видъ двухъ монаховъ въ острыхъ кукуляхъ и въ мантияхъ, съ распростертыми отъ бедръ руками. Одинъ изъ нихъ стоитъ выше, а другой у груди его ниже. Отъ этой пирамиды къ сѣверу простирается хребетъ Зербала клинообразный, а по замѣчанію о. Теофана, сухоребрый. Въ немъ замѣтны тѣ двѣ скрижали, коими я любовался въ долинѣ Слафъ. Около нихъ острыя маковки и ребристые утесы сей горы Божіей видны, какъ окаменѣлые испо-

(*) Смотри рисунокъ на листѣ 32.

лины въ длинныхъ мантияхъ багряныхъ. Вотъ предметъ достойный волшебной кисти Айвазовскаго! Знаменитый живописецъ! Если Богъ когда-нибудь приведетъ тебя на Синай; то напиши ты картины Зербала въ долинахъ Слафъ и Лешъ. Современники и потомство превознесутъ похвалами твое искусство: а эти картины твои скажутъ имъ слово о Богѣ.

Изъ устья Уади Лешъ мы перешли въ Уади Барахъ. Тамъ, гдѣ эти долины соединяются, видна гора св. Екатерины, а пониже ея — высота Рфайэ круглая, какъ Оаворъ. И этотъ видъ прелекательнъ. Но Зербаль — прелесть очей! Уади Барахъ травениста, широка и красива. При входѣ въ нее, направо, стоятъ два пирамидальные холма, а на лѣво висится толстолобый утесъ, за которымъ на камнѣ начертана Синайская надпись не ясно. Вдали поперекъ сей долины торчитъ отдѣльный холмъ. На немъ водружена Богомъ пирамида.

Было любо смотрѣть на этотъ Сипайскій узоръ. Высокое въ исполинскихъ размѣрахъ изумляетъ душу, а изящное въ маломъ видѣ чаруетъ ее.

Барахскій холмъ остался у насъ влѣвѣ. Прошагавъ у подошвы его, мы начали спускаться въ Уади ель-Лябуэ. Тутъ бываетъ раздѣлъ дождевыхъ водъ. Онѣ изъ Ляхдара, Леша и Бараха текутъ къ Зербалу, а за пирамидальнымъ холмомъ несутся въ противоположную сторону. Уади Лябуэ длинна и богата пажитями для верблюдовъ. Дальнюю средину ея наполняетъ кругловатый холмъ съ уступами. Отъ него налѣво ширится долина Тайбе. Тутъ мы двинулись немного правѣе и по каменистой и короткой Уади Кине поднялись къ долинѣ Барагъ. Спускаясь въ нее по узкой стезѣ, окаймленной обломками краснаго гранита, я замѣтилъ на одномъ изъ нихъ, у самой тропинки, Синайскую надпись и срисовалъ ее.

Handwritten transcription of the Sinai inscription on page 192.

Не много ниже увидѣлъ другую и начертилъ ее подобіе.

Handwritten transcription of the inscription on page 193.

Глубоковато русло Барагской долины. Оно изрыто дождевыми потоками и уставлено огромными камнями багрянаго и лазуреваго цвѣта. Ихъ увлекли сюда потопныя воды. Въ одномъ мѣстѣ, едва ли не въ срединѣ Барага, на правой сторонѣ отъ дороги, начертаны на скалѣ таинственные рѣзы. Салехъ подвелъ туда моего смирнаго верблюда; и я отподобилъ чудныя буквы.

Handwritten transcription of the inscription on page 193.

Чѣмъ менѣе я чаялъ найти ихъ по этой дорогѣ: тѣмъ драгоцѣннѣе онѣ были для меня. Ихъ обрѣтаемость тутъ доказываетъ, что Финикіяне проходили по этому пути отъ Синая къ Ел-Хадему, и обратно.

Изъ Уади Барагъ мы повернули вправо, почти подь прямымъ угломъ, и прошагавъ по песчаному междухолмію Сьдре, остановились ночевать въ Хамилійской долинь, обставленной высотами, словно бастіонами.

Всѣ долины, пройденныя нами отъ ущелія Рутайбе до сего ночлега, окаймлены холмами, которые составляютъ отдѣльный кряжъ на песчаной равнинѣ Ер-Рамле. Положеніе ихъ надъ уровнемъ Краснаго моря весьма высоко.

3. Четвертокъ.

Насталъ пятый часъ дня. Тѣни готовились бѣжать отъ восходящаго солнца. А мы снаряжались въ путь свой. Не шуменъ нашъ таборъ. Порядокъ—душа его. А общее довольство—лоскъ его.

Въ началѣ шестаго Салехъ повелъ насъ далѣе. Я впереди то вязъ въ зыбучемъ пескѣ, то твердо ступалъ по утопанной верблюдами тропинкѣ, опираясь на манновыи посошокъ свой и тихо поярадуясь царице, матеродѣвственная славо, и пр. Утро было тихое. Въ чистѣйшемъ воздухѣ ощущалась умѣренная свѣжесть.

Минулъ шестой часъ. Мы проѣхали мимо

слоистой горы Гарабъ и оттуда подь прямымъ угломъ поворотили на сѣверъ къ отдаленному Ракинскому взѣзду въ хребтѣ горнаго кряжа, Эт-Тихъ. За Гарабомъ уже нѣтъ ни горъ, ни холмовъ, ни долинь; широкая, песчаная равнина Рамле разстилается съ запада на востокъ такимъ длиннымъ полотномъ, что взоръ не достигаетъ концовъ ея. Вдоль середины сей обнаженной пустыни тянется ложбина. Въ нее съ одной стороны отъ Ет-Тиха, а съ другой отъ Гараба, Хмѣира и прочихъ высотъ, стекаетъ дождевая вода и производитъ кустарники и колючее быліе въ пищу верблюдамъ. На всемъ этомъ пространствѣ подь кустами и кочками водится множество ядовитыхъ змѣй. Вѣроятно, тутъ Израильтяне страдали отъ ихъ угрызенія. Окинувъ взоромъ всю эту мертвую пустыню, я началъ спускаться въ ложбину ея чрезъ окаймляющій ее скатъ песчаный, который направо упирается въ гору Хмеиръ, а налево тянется къ предѣламъ хребта Ер-Рахійскаго. Этотъ скатъ отлогъ и не малъ въ поперечникѣ. На немъ, влево отъ дороги, среди желтаго песка видѣнъ большой камень съ уступами, въ родѣ диаконскаго амвона. Воображеніе мое тутъ помѣшало вознесеннаго Моусеемъ мѣднаго змія, тѣмъ

охотнѣе, что кругомъ всюду замѣтны были колѣцеобразныя слѣды пресмыканія ядовитыхъ тварей. Вдали пасся одичалый верблюдъ. Увидѣвъ насъ, онъ заревѣлъ и побѣжалъ во всю свою прыть. Когда поѣздъ мой спустился въ ложбину: я, сидя на своемъ горбунѣ, повернулся лицомъ къ Синайскимъ горамъ, дабы замѣтить, въ какомъ видѣ онѣ представляются отсюда. Сначала, напрямикъ, показались мнѣ однѣ вершины Зербала въ густой синевѣ, потомъ, немного лѣвѣе, изъ-за Хмеира выглянули головы горъ Синайской, Екатерининской и Умшомарской, какъ маковки пирамидъ, подъ синею тончицею. Чѣмъ далѣе подвигался я къ Ракне: тѣмъ болѣе выросталъ предо мною Зербалъ во всемъ его дивномъ величїи. Онъ—царь всѣхъ высотъ Синайскихъ. Голова его покрыта вѣнцомъ, сдѣланнымъ изъ закругленныхъ овелисковъ, въ исполинскихъ размѣрахъ. Въ срединѣ вѣнца вмѣсто креста и державы вставлена пирамида. Такой видъ приводилъ меня въ восторгъ. Когда же Зербалъ сквозь прѣсновѣдную воздушную выказался весь въ своемъ вѣнцѣ и въ мантии съ безчисленными складками, направо же отъ него явились въ болѣшемъ величїи остроконечныя вершины священныя горъ на одномъ пирамидальномъ основанїи,

а ближе ко мнѣ развился многокупольный Гарабъ, и когда предъ нимъ песчаный скатъ Рамлійской пустыни съ амвономъ его окрасился желтобагровымъ цвѣтомъ: тогда восторгъ мой превратился въ изумленіе сладчайшее. Я смотрѣлъ на гору Божию съ неизрѣченнымъ веселїемъ и восклицалъ: дивна дѣла Твоя Господи! дивно свѣтиши отъ горъ вѣчныхъ! Исповѣдую величіе Твое,—силу, премудрость и красоту Твою. — Бруни, Бруни! здѣсь надлежало бы тебѣ писать картину *вознесенія змія въ пустынь*. Еслибы ты перенесъ на полотно это лазуревое небо, это песчанобагровое поле съ чернымъ амвономъ, этотъ многокупольный Гарабъ, этотъ вѣнчаный Зербалъ и всѣ окрестъ его стоящія высоты велелѣпныя; то на картину твою смотрѣть сошлись бы всѣ люди.

Въ три четверти десятаго часа караванъ мой подошелъ къ Ракинскому взѣзду и началъ подниматься, извиваясь по крутизнамъ и стремнинамъ его. Я остановился внизу, чтобы еще разъ насладиться видами Синайскихъ горъ, и когда вперилъ въ нихъ взоръ мой, подумалъ, что вижу предъ собою живописную картину въ исполинскихъ размѣрахъ. Въ этой картинѣ лазурь неба такъ чиста и нѣжна, подъ нею высочайшія

горы и ихъ вершины такъ разнообразны и въ своемъ разнообразіи представляютъ такое стройное цѣлое, а освѣщеніе и синева ихъ такъ волшебны, что не возможно словомъ передать всѣхъ видѣнныхъ красотъ, всего ненагляднаго великолѣпія, всѣхъ ощущаемыхъ свѣто-тѣней, чарующихъ взоры, изумляющихъ воображеніе и поражающихъ восторгъ и сладчайшее благоговѣніе предъ Богомъ, который одинъ могъ произвести столь чудную картину. Любуясь, услаждаясь, восхищаясь ею, я забылъ, что стою на землѣ. Въ эти минуты блаженство мое было совершенное отъ видѣнія *прекраснаго, высокаго, Божественнаго*. Желая удостовѣриться, уцѣлѣетъ ли во мнѣ это видѣніе во всей его свѣжести и полнотѣ, я не разъ смѣжалъ очи и сознавалъ, что ношу въ себѣ зеркало, въ которомъ вѣрно видѣнъ весь Синай во всей его красотѣ великолѣпной.

Это сознаніе придало мнѣ живость и легкость; и я не чувствовалъ ни жажды, ни утомленія, поднимаясь на гору Эт-Тихъ по извивистому и стропотному Ракинскому взѣзду и дорогою собирая стеклярусъ, каменный ленъ, затвердѣлыя ракушки темнокраснаго цвѣта и селитру въ глиняныхъ лепешкахъ, которою Бедуины лечатъ раны вер-

блюдовъ. Подъ челомъ Эт-Тиха, тамъ, гдѣ болѣе ровная стезя поворачиваетъ направо и пролегаетъ вдоль его, какъ морщина на лбу, видѣнъ не только весь Синайскій полуостровъ, но и Черное море, и за нимъ Африканскія горы. На первомъ планѣ представляется песчаная полоса Ермаме съ амвономъ для вознесенія змѣя, вся подъ желтобагровымъ освѣщеніемъ. Въ средоточной дали къ лазурному небу возвышается исполинскій Зербалъ въ зубчатомъ полукругломъ вѣнцѣ и въ волнистой мантии багряной, съ густымъ но прозрачнымъ отливомъ синевы воздушной. На лѣво отъ него разсѣкаютъ голубыя небеса пирамидальный Банатъ и триглавый Синай. Широко основаніе Синая, огромна его толщина. Смотришь на него и видишь, будто Скинію, сотканную изъ синелазуреваго шелка и увѣнчанную, вмѣсто шаровъ, тремя пирамидами. Отъ него на сѣверъ къ Банату протягается, сперва, ровная, потомъ, ломаная высь, будто передняя приставная часть Скиніи, необходимая для народа, Левитовъ и жрецовъ, а въ противоположной сторонѣ длиннымъ рядомъ стоятъ горы и холмы съ прелестными головками, словно священные сосуды, накрытые синеглубою тончицею. Направо отъ Зербала

чаруетъ взоръ Гарабъ многокупольный и за нимъ Зарбутъ—Оммаръ, увѣнчанный высокимъ и тонкимъ стрѣльчатомъ, какъ сельскій храмъ межъ стоговъ хлѣба и сѣна. Правѣе отъ Оммара въ воздушной глубли искрятся зелено-синія воды Чермнаго моря. Онѣ окаймлены песчаною бахромою. За моремъ, вдоль его, островерхія горы и холмы, словно монахи въ синихъ мантияхъ и кукуляхъ, длиннымъ строемъ тянутся къ горѣ, въ которой спасался Антоній великій. Эта гора съ Ракне представляется точь въ точь въ томъ видѣ и подъ тѣмъ синимъ покрываломъ, какъ я увидѣлъ ее въ первый разъ изъ пустыни Бакаратской. Ею оканчивается волшебная панорама Синайскаго полуострова.

Налюбовавшись ею вдоволь, я взошелъ на плоскую вершину Эт-Тиха. Съ ней открылись тѣ же виды, въ тѣхъ же размѣрахъ и положеніяхъ и подъ тѣмъ же освѣщеніемъ, какъ и у чела сей горы. Я сдѣлалъ очеркъ ихъ (*), и потомъ преклонивъ колѣна и обнаживъ голову, помолился на Синай и простился съ нимъ въ сладкомъ восхищеніи. Это было въ полдень.

(*) Смотри рисунокъ на листѣ 30.

Рѣзкій вѣтеръ дулъ съ сѣвера и проникалъ всего меня насквозь. Салехъ подвелъ ко мнѣ верблюда моего; и я усѣвшись на немъ, скоро спустился съ Эт-Тиха въ малую долину Абу-Мтегане, гдѣ и догналъ свою дружину. Чрезъ полтора часа мы достигли до соименнаго съ долиною источника, и тутъ около дикаго финичія на безобразномъ каменистомъ косогорѣ расположили свой станъ. Воды въ источникѣ было довольно. Чѣмъ болѣе черпали ее, тѣмъ лучше она становилась. При отвѣдываніи ея чувствуется не столько слабая соленоватость, сколько неприятный запахъ, который сообщаютъ ей неучтивые верблюды и ихъ безпечные погонщики. Придаточное къ названію источника рѣченіе, Абу, доказываетъ, что онъ нѣкогда почитался священнымъ.

Горный кряжъ Эт-Тихъ составляетъ границу между соименною ему страной и Синайскимъ полуостровомъ. Онъ начинается у верховья долины Гарендель и оттуда прямолинейно тянется съ запада на востокъ къ самому заливу Акабайскому, гдѣ и оканчивается. Та сторона его, которая обращена внутрь полуострова, обрывиста и почти, какъ стѣна, отвѣсна. Тутъ вдоль подошвы его пролегаетъ песчаная пустыня Ер-Рамле.

А за плоскою и узкою вершиною его непосредственно начинается необозримая равнина, которая стелется до Газы, Вирсавы и Мертваго моря, и раздѣляется на двѣ половины Ель-Аришскою долиною, на западную, прилегающую къ Средиземному морю, и восточную, примыкающую къ Уади Ел-Араба, которая соединяетъ Акабайскій заливъ съ Мертвымъ моремъ.

Весь Эт-Тихскій кряжъ составленъ изъ раствора известковаго; слѣдовательно принадлежит не къ первозданнымъ горамъ, а къ роду тѣхъ, кои произведены осадками моря и слабыми вулканическими изверженіями. По сему-то въ немъ находятся морскія раковины и селитренныя лепешки, а селеноватыя источники его отзываются запахомъ сѣры, растительности же на немъ нѣтъ никакой другой, кромѣ тощихъ былій травяныхъ.

Въ Эт-Тихѣ находится нѣсколько тѣсныхъ взвѣздовъ. Изъ нихъ Ракинскій довольно стропотенъ и труденъ для вьючныхъ верблюдовъ. Примѣтою его внизу служитъ длинный и отвѣсный выемъ въ горномъ кряжѣ, оканчивающійся съ обѣихъ сторонъ выступами, какъ бы бастіонами. На верхъ поднимаются близь выступа восточнаго.

Кончены мои путевыя замѣтки о Синаѣ. Завтра увижу другую страну и другую природу. Слово мое приметъ ихъ цвѣтъ, размѣры и свойства. Не ожидаю тамъ ни разнообразія, ни великолѣпія видовъ. Зато извѣдаю страну, мало кѣмъ посѣщаемую. Новость ея придастъ моему описанію хотя слабую заманчивость.